

Вадим Рошин.
«Хожение по мукам».

Каренин.
«Анна Каренина».

ЕПРЕХОДЯЩИЙ интерес вызывает творчество народного артиста СССР Николая Олимпиевича Гриценко. Уже четвертый десяток лет видим мы на сцене и экране этого актера. Зрелое мастерство. Зрелый творческий возраст. И — энергия, выдумка, озорство, подвижность, легкость молодости, свежесть чувств, буйство красок и безоглядная щедрость. Так в каждой из 60 ролей на театре, так в каждой из 40 киноролей. Откуда же бралось и берется новое, неожиданное в сотне образов, созданных Гриценко? Откуда колдовская неузнаваемость любого из персонажей этого актера?

— Мое стремление — не повторяться. Ни при каких обстоятельствах, ни в чем — даже в мельчайших деталях не повторяться, — говорит Николай Олимпиевич. — Полное внешнее и внутреннее перевоплощение есть, как представляется мне, единственный способ удержаться в границах творчества, не вставая на путь ремесла.

Границы творчества... Творчество, мастерство и — ремесло... Большой художник Гриценко очень точно определяет понятия «мастерства» и «ремесла».

— Актерское мастерство — быть новым, быть правдивым; уметь войти до мельчайших частиц ядра образа, до глубинки, отдаться мыслям, чувствам, которыми живет человек, герой, твой персонаж. Но и это не все. Мастерство истинное — это открытие нового человеческого мира в себе и для себя, воспитание в себе самочувствия легкости или тяжеловесности, хитрости или простодушия — в зависи-

ей обаятельной деликатностью, наивностью и искренностью. Он светится изнутри, весь лучится добром. Он страдает от зла и несправедливости, страдает за человечество, за близких, мучающихся и терзающихся от бед и горестей. В то же время артист подчеркивает, что его князь Мышкин верит в прекрасное естество человека, в лучшее, всегда заложенное в каждом (хотя порой и исковерканное определенной общественной средой).

Мышкин — Гриценко очаровывает непосредственностью, детской наивностью. К нему тянешься, видишь душу его, подобную роднику. Артист не допускает слащаво-сентиментальных нот в обрисовке характера своего героя. Извечная истина: глаза — зеркало души здесь, у Гриценко — Мышкина, находят свое подтверждение. Большие голубые глаза, порой задумчиво-грустные, чаще — светящиеся искренней любовью, добротой, кристальной чистотой; иногда же — в них боль и страдание. В последней сцене эти глаза, их выражение, меняются катастрофически быстро и страшно: Мышкин сходит с ума. Страх, отчаяние, безумие, полное помрачение рассудка — вот о чем кричат глаза князя Мышкина. Робкие, мягкие манеры и походка сменяются резкими, импульсивно-нервными, быстрыми движениями безгранично погрязшего человека. Высокий, нежный голос вдруг становится низким, хриплым. Весь он как будто сломался, переломился, кажется, даже не в переносном, а в буквальном смысле слова. Большая человеческая душа, его высокий благородный разум не смогли выдержать катастрофы. Артист феноменально ведет последнюю сцену — безумия. В таком обществе, в таком тлетворном мире невозможно не сойти с ума Человеку. И... сно-

лотом дие») показывает свой необузданный нрав. Старик-богач, стяжатель, золотопромышленник. Никто ему не указ! Он, Молоков, хозяин, царь и бог на тысячи верст окрест. Можно топтать других, можно крушить, можно... можно... Все можно! Страшен Молоков — Гриценко во вселившиеся золотом. Размашистые движения, взлохмаченный, буйный, как его рыжая борода и шевелюра. Из-под насупленных бровей хитро-настороженно поблискивают маленькие глазки. Отталкивающая внешность отражает не менее отталкивающее естество Молокова...

Диапазон характеров, созданных Гриценко на сцене и в кино, настолько велик, что правильнее говорить о различных амплуа артиста. В равной мере мастерски он лепит и комедийные характеры (канцлер Тарталья — «Принцесса Турандот», Степан Казанец — «Стряпуха»), и гротесково-сатирические (Мамаев — «На всякого мудреца...», Манташев — «Большой Кирилл»), и драматические, трагедийные (князь Мышкин — «Идиот», Федор Протасов — «Живой труп»). Иначе говоря, это и есть высшее мастерство перевоплощения.

Гриценковский Протасов... Актер сумел глубоко и точно передать сложнейший мир человека тонкой души с исковерканной, трагически-несчастной судьбой, не борца, но честного и умного, порядочного и бескорыстного человека, умевшего самозабвенно любить и ненавидеть, застенчивого и решительного... Но об этой работе артиста надо писать особо, как и о его Иване Шадрине («Человек с ружьем») — истинно деревенском русском человеке, о Шадрине, «солдате с фронта», крестьянине по натуре своей, по каждому своему жесту, слову, манере ходить, слушать,

профиль артиста

МЕТАМОРФОЗЫ ГРИЦЕНКО

Алла РОМАНЕНКО

Иван Шадрин.
«Человек с ружьем».

Федор Протасов.
«Живой труп».

Степан Казанец.
«Стряпуха».

Кирилл Сергеевич.
«Память сердца».

мости от того характера, который предстоит раскрыть зрителю, раскрыть внешне и внутренне.

Николай Олимпиевич считает, что есть по крайней мере три условия, чтобы не повторяться, оставаться на высоте мастерства. Во-первых, «начисто отрешаться от всего созданного ранее. Начинать с нуля, подходить к каждой роли как к первой в жизни». Во-вторых, подчеркивает актер, «важно иметь добротный драматургический материал, хорошо выпитую роль, образ — полнокровный, а не безликий и плоский, как стершийся пятак». В-третьих, «знание жизни, умение видеть, фиксировать, наблюдать». Очевидно, «настоящему мастеру надо быть культурнейшим человеком, образованным, много путешествовать, видеть, знать, читать. Иначе отстанешь... Иначе сползешь к ремеслу». Так что личность артиста, художника, весь его духовный облик тоже надо включить в понятие «мастерства». А «ремесло — определенный профессиональный уровень», так сказать, «собаку съест на этом деле», знает точно, как сесть, встать, сказать и т. п. А душу вкладывать не надо. Да ремесленник от искусства и не умеет, не дано... Неимоверно трудно быть разным, непохожим во всем: в голосе, в манерах, походке... Странно для меня звучат слова некоторых критиков о том, что актер такой-то не растворяет в образе свою индивидуальность, а сохраняет ее почти неизменной. Во всех образах, ролях он, прежде всего он. Это, на мой взгляд, вовсе не похвала актеру. Пожалуй, самый верный (а для многих — увы! — и самый страшный) эталон мастерства, искусства — время и память людей.

...Николай Олимпиевич выходит на сцену Театра имени Евг. Вахтангова в спектакле А. Корнейчука «Память сердца» в роли Кирилла Сергеевича. Что-то сразу прошлоестело по залу. Напряженное внимание. Одиноким его герой оказывается самым неодиноким, потому что ему все люди дороги, близки, потому что он спешит доставить радость окружающим, хочет быть нужным людям. В зрительном зале плачут. Глубочайшее проникновение в душу старого артиста, в мир его мыслей, чувств раскрыто Гриценко с поражающей силой правды.

С глубоким уважением, очень серьезно относится актер к эпизоду: недаром он посвятил не одну свою статью мастерам эпизодических ролей, верно подчеркивая значимость в спектакле любого его фрагмента.

Долгие годы не сходят со сцены Театра имени Евг. Вахтангова спектакли «Идиот», «Живой труп», «Конармия», «Принцесса Турандот». Вошли в репертуар сравнительно недавно «Человек с ружьем» и «На всякого мудреца...». В каждом из них играет Николай Олимпиевич Гриценко. Поставить их, его героев, рядом да посмотреть!.. Бесконечность метаморфоз! Виртуозность актерского перевоплощения!

...Вот князь Мышкин — интересное и точное воплощение героя Достоевского на сцене. Почти пятнадцать лет играет эту роль Гриценко. Каждый раз находит новые характерные нюансы, оттенки красок, мельчайшие штрихи в образе этого мудрого, добрейшего, чистейшего человека Достоевского. По словам самого писателя: «Главная мысль — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете...» Гриценко создал такой образ. Его Мышкин чарует сво-

ва плачут в зале. Снова потрясенные уходят зрители из театра.

Множество раз видел я каждый спектакль, в котором занят Гриценко. Меня интересовали, честно говоря, границы метаморфоз артиста, новизна каждого выхода (в старой роли, игранный по несколько лет). И если, как правило, видишь штампы, повторения у актеров, то у мастеров, к которым принадлежит и Николай Олимпиевич Гриценко, — никогда.

Мамаев («На всякого мудреца...»), созданный творческой фантазией Гриценко, — это необыкновенная страница в летописи драматургии Островского. Может показаться, что артист комикует, вытворяет что-то несусветное, лишь бы рассмешить публику. Но смех смеху рознь. Смех убивает здесь беспардонную пошлость, чванство богатого старика, почитающего себя непогрешимым авторитетом для всех и вся. Высокомерие, абсолютная самонадеянность без тени смущения, выставление напоказ «достоинства» своего практического ума, бахвальство — все качества Мамаева глубоко оправданы его социальным положением. И вовсе не безобиден этот надутый, заносчивый, хвастливый петух, как в шарже нарисовал Мамаева его собственный племянник. Он, Мамаев — Гриценко, страшен, агрессивен, если вдуматься и вслушаться в его высказывания. Громадная фигура, нелепая походка уже наполовину развалившегося старика в сочетании с изящными костюмами и картинными позами естественны и психологически верны. Сизо-лиловый утиный нос, мутно-тусклые, какие-то грязно-жирненькие глазки Мамаева, старческие руки с пошло кричащими, аляповато богатыми перстнями... Рассматривая образ Мамаева, созданный Гриценко, надо не забыть, что концепция спектакля гротескна и в целом, но, пожалуй, никто в талантливом ансамбле вахтанговцев не воплощает ее столь остро, как Николай Олимпиевич.

...А вот статный, греховно красивый, страстный, быстрый, гибкий, умопомрачительно обольстительный Дон Гуан («Маленькие трагедии» А. С. Пушкина). Да еще в дуэте с таким блестящим партнером, как Н. С. Плотников в роли слуги Лепорелло...

...Не менее прекрасным внешне, хотя и совсем в ином стиле был Гриценко — Олеко Дундич. Это Герой в самом широком смысле слова: исключительно мужественный, смелый, находчивый, остроумный, изящный, обладающий зрелым воинским талантом, благородный, волевой, честный. Кажется, уж очень много положительных качеств в одном человеке... Но в основу сценического образа лег характер легендарного героя гражданской войны, сербского патриота, погибшего в боях за Республику Советов. Олеко был таким в жизни. Беспредельная вера в революцию, в победу правого дела передана была Гриценко с необычайной силой убедительности. Модуляции голоса, переход от мягкой и лиричной интонации к волевой и жесткой, от изысканной (когда говорил по-французски) к страстно-вдохновенной (когда приказывал, убеждал, звал в бой) не могли не поразить аудиторию. А эволюция, актер уводил зрителя за собой, к идеям и чувствам своего героя. Возникло желание походить на такого человека. Герой погиб в боях — герой остался жить... Мастерство Николая Олимпиевича Гриценко воскресило одного из прекрасных бойцов за власть Советов.

...Бушует на сцене сибирский купец-самодур, как медведь в тайге: Тихон Молоков («На зо-

говорить, человеку, пришедшем к пониманию ленинской правды.

Недавно Николай Олимпиевич предстал перед зрителями в спектакле «1000 душ» (по Писемскому) в роли князя Ивана Раменского. Это серьезный и очень сложный образ. Раменский — Гриценко «проживает» на экране почти 20 лет, старея, дряхлея, изменяясь почти фантастически. Н. Гриценко вместе с актрисой А. Петерсон исполнили сложную сюиту, обнажили цинизм, подлость дворянских кругов. Князь Раменский великолепно изображен актером в трусости и нахальстве, изворотливости и хитрости, сальности и пошлости. Он тонок и умен, этот потасканный светский лев с ужим, впрочем, основательно потрепанной гривой; «мертвая душа», он социально никчем и опасен. Сколько горя могли принести и принесли людям такие, как князь Раменский! Гриценко, разоблачая, своего героя, поднимается до вершины социального обобщения, типизации.

Если в театре, на сцене, Гриценко поражает своей говорящей пластикой, своими волшебными превращениями, то как же интересны его работы в кино! В кино, где крупные планы сразу же выдают все: фальшь, искренность, наигранность, в конечном итоге — мастерство или ремесло. Никаким гримом не изменишь пустые глаза. Если же глаза говорят, кричат, смеются, плачут, то они отражают малейшие колебания чувств, изменения, происходящие где-то в глубинах души человеческой. 30 лет назад впервые появился Николай Гриценко в кино: это был фильм «Машенька», где он предстал в роли шофера Коли. А затем одна за другой вошли в историю советского кинематографа роли: Рошин («Хожение по мукам»), Гращанский («Русский лес»), Каренин («Анна Каренина»). Каждый из этих образов своеобразен, психологически достоверен, крайне сложен. Каренин, в начале фильма холодный, бездушный сановник, с размеренными движениями и жестами отлаженной машины, лицом-маской, становится иным, преображенным личиной трагедией во второй половине картины. А сколь типичными, яркими, сочными были такие киноперсонажи Гриценко, как Псеков («Шведская спичка»), гусар Фадеев («Старинный водевиль»), Стряпков («Понедельник — день тяжелый»). Яркий образ председателя колхоза Маркелова создал Гриценко в фильме «Журавушка».

Артист обладает редким даром изменять до неузнаваемости свою внешность, изменять тембр голоса, создавать впечатление то стройного, тонкого, легкого, изящного, то огромного, неуклюжего, чрезвычайно сильного, тяжелого по своей конституции человека. Гриценко ищет и всегда находит солнечную театральную форму образа, и это сочетается с вызыванием, глубочайшим раскрытием внутренней сути персонажа. Подчас его находки дерзковенно-неожиданны и всегда виртуозно, мастерски воплощены. Ощущаешь, что артист наслаждается, играя того или иного героя, живя его жизнью. А гриценковское наслаждение, его кажущаяся легкость передаются, заражая зрителя, увлекая, покоряя. Все это — отражение требований Евгения Вахтангова к мастеру-актеру. Гриценко — истинный вахтанговец, один из самых блистательных художников советского театра.

Вытагайченко.
«Конармия».

Кирилл Сергеевич.
«Память сердца».

МЕТАМОРФОЗЫ
НИКОЛАЯ
ГРИЦЕНКО

стр. 12